

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Августовская ночь. Тихо в деревне Должино Волоотовского района. Изредка где-то тявкает собака — и вновь ни звука. Огородами Васькин подошел к дому Александра Немкова, разглядев условный сигнал «все спокойно», тихонько стукнул в раму вначале три раза. Немного погодя еще два. В коридоре заскрипели половицы.

— Кто там?

— Свои, Саша.

Брякнула щеколда, и ночной гость вошел в приоткрытую дверь.

— Заходите. Сейчас копилку зажгу, — пригласил Немков.

Вошли в кухню. Александр, завесив окно байковым одеялом, зажег копилку. Стала видна большая печь, кухонный стол, две лавки вдоль стены. Сели к столу.

— Что нового у вас? — спросил Васькин.

— Начальник волоотовской полиции со всей сворой приезжал. Всем грозил расстрелом, если проявим непослушание... Ох и лютый гад... По всему видно зверь, а не человек.

— Он что, местный?

— Нет. Говорят откуда-то из Поддорского или Белебелковского района.

— А как зовут, фамилия? — с интересом спросил Павел Афанасьевич.

— Молотков, вроде, Дмитрий, а отчество не запомнил.

— Рослый, чернявый, лицо насуспенное, — стал подсказывать Васькин.

— Правильно, — поддержал Александр. — Вы что его знаете?

— Да, у его отца мальчонкой батрачил. Ох и мироед его отец был. Другого такого в округе не было. Когда нанимал, говорил: «За сына у меня будешь...» А как привел в дом, нагрузил работой так, что хоть не спи, а все равно не управишься... А Димка был хитрым жестоким парнем. Бывало придет на гумно с куском хлеба, а там вечерами собирались подростки со всего села, и тому, кто привязанный за ногу к балке, провисит вниз головой, пока он считает до десяти, отдавал хлеб. Голодных в то время было много. Соглашались.

Перед раскулачиванием отделился он от отца. И этим спас часть награбленного бабьей.

— А вы что, принимали участие в раскулачивании?

— Было такое дело.

— О... Тогда вам с Молотковым лучше не встречаться...

— Я тоже так думаю. А что еще нового?

— Мой дружок — Егоров — теперь староста деревни. Все знает о раненых красноармейцах, но немцам их не выдает. Однако и лебезит он перед фашистами, как шелудивый пес. Только и слышно: «Господа немцы велели... Этого нам господин комендант не простит...» Все делает, чтобы выполнить их распоряжения. У нас, обычно, о таких говорят: «И вашим и нашим». Как к нему относиться дальше, не знаю.

— Да, этот вопрос не из простых, — задумчиво промолвил Васькин. — Откровенно сказать, я и сам хотел с тобой поговорить о Егорове. Думал нельзя ли его привлечь в организацию: нам бы свой староста очень пригодился, но видно с этим придется повременить. Ведь ты ему доверяешь?

— Да, стал сомневаться.

Ну, что ж, попробуем к нему хорошенько присмотреться.

Может, он еще и не потерянный человек. А пока — будь с ним поосторожней, об организации ни слова, да и свои взгляды о фашистах и партизанах не высказывай. Ну, а то, что он согласился работать старостой, — это еще полбеды. И тебе советую устроиться к гитлеровцам на службу. Хорошо бы монтером. Если подвернется и другая работа — соглашайся...

Немков удивленно глянул на гостя. Недовольно сказал:

— Я тут коммутаторы и провода снял и спрятал, всю линию повредил, а теперь, значит, восстанавливать?

— Не горячись, — успокоил его Васькин. — Как монтер, ты получил бы немецкий пропуск и смог бы ходить по деревням беспрепятственно. А связь надо восстанавливать не спеша и так, чтобы за одну ночь всю ее можно вновь вывести из строя...

Лицо Александра просветлело.

Откашлянувшись, Васькин спросил:

— А что Александр Иванович насчет связанного решил, ты не в курсе?

— Знаю. Вместе решали. Сейчас какая-то особая часть

у нас остановилась, никого не выпускают и не впускают в деревню. Как вам удалось проскочить ко мне — не пойму: часовые в двух концах поставлены. Но ребятам ходить в лес по грибы и ягоды разрешают. Вот мы и хотим этим воспользоваться: под видом сбора грибов и ягод, а также на озеро поудить рыбу будем посылать Мишу Васильева — толковый парень, пионер, сын моей бывшей учительницы Нины Павловны. С ней согласовано.

Васькин придавал большое значение хорошо налаженной связи с подпольными группами (к концу сентября в организацию уже входило 36 человек, и она продолжала расти.) Новенькие, да и большинство других рядовых членов не знали его как руководителя подполья, для них он — бывший счетовод сельпо. Павел Афанасьевич сделал все возможное, чтобы подпольщики одной группы не знали членов другой. Сделано это было на случай возможного провала одной группы, чтобы не пострадала вся подпольная организация.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение

Начало в №8

Немного подумав, Васькин утвердительно сказал:

— Ну что же, добро. А теперь посмотрим листовку. Мне кажется в нее пора кой-что добавить.

Немков нагнулся к лавке, вынул из тайника исписанный печатными буквами лист из ученической тетради и подал его Павлу Афанасьевичу. Тот придвинулся ближе к лампе, стал вполголоса читать:

«Смерть немецким оккупантам!

Дорогие товарищи колхозники, колхозницы и интеллигенция!

Фашистам временно удалось занять территорию нашего района. В колхозах и деревнях враги установили свои фашистские порядки. Они агитируют, чтобы вы быстро убрали с полей хлеб. Помните, что урожай нужно не только убирать, но и сразу же спрятать. Иначе фашисты заберут его для своей голодной армии. Ни пуда хлеба, ни килограмма мяса фашистской саранче! Уходите в партизаны, помогайте Красной Армии освободить советскую землю от гитлеровских грабителей!...».

Дочитав до конца, Васькин

предупредил Немкова:

— Сейчас фашисты развезли объявления, предлагают населению сдать все имеющееся у них оружие вплоть до охотничьих ружей и ножей. За невыполнение угрожают расстрелом. Нужно в листовке предупредить население, чтоб оружие не сдавали и не показывали, где имеется. А концовку сделайте так: «Дорогие товарищи! Будьте уверены — победа будет за нами!».

...Фашисты встревожились. Они понимали, что неотразимые удары партизан, точные налеты авиации на Волот, где были разбомблены штаб дивизии, склад с боеприпасами и казармы с солдатами, появление советских листовок почти в каждом населенном пункте, расстрелы у них под носом из более верных им старост и агентов — все это результат деятельности хорошо замаскированной подпольной организации. Да и в тихих, внешне покорных деревнях немало было активных сторонников партизан. Кто именно их снабжает продуктами и сведениями — узнать не могли. Пытались прельстить наградой, но предателей находилось мало.

За несколько дней до сего-

мого ноября Гепарт срочно собрал всех старост, полицейских и урядников. Он лично инструктировал их. Вначале произнес лающим голосом что-то вроде доклада, в котором говорил о великой миссии Германии, о ее победах на фронтах, уверял, что Красная Армия и большевизм уничтожены и никогда не поднимутся вновь. Затем он сообщил, что немецкому командованию известно, что в районе действует крупная разведывательная организация красных. Предложил собравшимся установить наблюдение за каждым подозрительным, следить за каждым незнакомым человеком и за каждым выходящим из села. Потребовал больше арестовывать и доставлять в комендатуру подозрительных. Заканчивая речь, пригрозил:

— Приближается большевистский праздник. Если в какой-либо деревне осмелеется провести митинг, собрание или нарушить обычный порядок — весь населенный пункт будет уничтожен...

После совещания Мановский с Молотковым вместе вышли на улицу. Молотков — рослый, со злыми как у волка глазами, одетый в полушубок и поношенные немецкие бурки — подарок Гепарта за

верную службу — шел молча, попыхивая сигаретой. Этот выродок вначале работал у немцев конюхом в комендатуре. Его жестокость и злобность ко всему советскому замечали фашисты и перенесли работать в полицию. Здесь таланты предателя раскрылись в полной мере. Он сам арестовывал советских патриотов, допрашивал, пытал и расстреливал. Фашистский холуй старался воевать, чтобы заслужить доверие хозяев.

— Как, Баскаков себе заместителя подобрал? — тяжело дыша, спросил Мановский. Этот предатель лишь для маскировки был назначен начальником Волотовской управы. На самом деле он — резидент тайной полевой полиции, бывший офицер русской царской армии.

Мановский люто ненавидел Советскую власть: считал не будь революции, он сделал бы в царской армии блестящую карьеру и стал бы богатым.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение.

Начало в №№ 8, 9.

Вот почему в гражданскую войну он сражался на стороне белогвардейцев, а когда его полк был разбит, ушел в лес в зеленую банду. Но и она была разгромлена. Тогда через одного из своих дружков познакомился с германским офицером, разъезжавшим по России под видом коммерсанта. Так белогвардеец Мановский стал немецким шпионом.

— Нет еще. А что есть подходящая кандидатура? — спросил Молотков.

— Да. Я был недавно в Славитино, встретил там земляка — вроде толковый мужик. Надо подсказать Баска-

кову пусть вызовет, побеседует.

Как Мановский, так и Молотков, оба старались активизировать созданный в районе гитлеровский отдел пропаганды и агитации, во главе которого стоял некий Баскаков — ярый антисоветчик, привезенный в Волот фашистами из западных областей. Последний через своих пропагандистов вносил в народ геббельсовскую пропаганду и антисоветскую ложь, направленную на подрыв веры в народе в Советскую власть. Люди этого предателя сновали по всем населенным пунктам и деревням района, до хрипоты доказывая превосходство «нового порядка» над Советской властью.

— А кто этот человек? — хмуро спросил Молотков.

Мановский и Молотков оба были уроженцами Поддорского района.

— Счетовод сельпо Павел Васькин — молодой, энергичный. Если возьмется, то у Баскакова дело пойдет. Я уверен...

— А откуда он здесь появился? — с интересом спросил начальник полиции и даже остановился в ожидании ответа.

— Раньше он работал бухгалтером в Залучском райфинотделе. Оттуда выгнан за пьянство и аморальное поведение, — я сам его документы смотрел, так что здесь все в порядке.

— А он учителем в Под-

дорском районе не работал?

— Кажется, да... А чего ты так встревожился?

— Встревожишься! Когда своего должника встретишь, — зло бросил Молотков.

— Какого должника? Говори толком.

— Лет шестнадцать назад мой старый болван — отец на улице подобрал одного бродяжку — Пашкой Васькиным его звали, — стал рассказывать Молотков. — Было ему лет девять-десять. Батя его как своего сына пригрел. А он вместо благодарности — сбежал. Хуже того, лет через десять вернулся в район уже учителем. А однажды пришел с комиссией раскулачивать отца. В то время я уже отделился, жил самостоятельно-

но. Так что кое-что удалось спасти. Но все же и пропало много. А помог это сделать Васькин. Он, оказывается, все тайные места у бати знал. И все спрятанное помог найти. Отец, когда его кубышки и зерно из земли стали выкапывать, затрясся от обиды и шепнул мне: «Димка, отомсти...».

— Ну и как, отомстил?

— Нет. А караулил его с обрезом около дома часто, но все безрезультатно: вокруг него все время молодежь вертелась, липла как мухи к меду. А вскоре его в райцентр перевели, так я с ним и не рассчитался.

— Ну, что ж, съезди в Славитино, я его там дня два назад встретил. Перебивается случайными заработками. Если это твой должник — вздерни на первом суку, и делу конец...

— Это я сумею, — блеснув злыми глазами, пообещал Молотков.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение.

Начало в №№ 8—10.

...Узнав, что Молотков упорно его разыскивает, Васькин перестал посещать квартиру в Славитино, а перебрался на жительство на хутор Савкино, что располагался километрах в пяти от Должино и совсем рядом с деревней Большие Гривы. Эта деревушка была окружена болотами и лесами. Единственная дорога, идущая мимо нее через моховое болото, была непроезжей для машин, да и подводы проезжали по ней не в любое время года, а лишь зимой или в большую засуху. Кроме того, дорога хорошо просматривалась из деревни в оба конца на несколько километров. Появись на ней фашисты или полицейские, можно увидеть издали

и заранее скрыться в лесу.

Ночевал же у себя Васькин очень редко. Он почти всегда находился в пути. Внезапно появлялся то в одной группе подпольщиков, то в другой. Иногда назначал свидания связным в лесу, на озере или в деревне и всегда приходил на встречу в указанный срок.

... Тучный и обрюзглый Мановский последние дни почти не спал: капитан тайной полевой полиции Гепарт требовал от него решительных и немедленных мер по уничтожению подполья, но ни полицаи, ни агенты не могли напасть на его след. А о том, что в районе действует подпольная организация, сомневаться не приходилось: советские самолеты прилетели днем и провели прицельную бомбежку в

Волоте штаба дивизии и склада с боеприпасами, а через несколько дней прилетели вновь и скинули бомбы именно на те здания, в которых разместились остатки штаба. Такие точные бомбежки можно было совершать лишь имея самые точные и свежие данные. Кроме того, в районе участились пожары. Внезапно вспыхивали военные гаражи, мосты, склады с боеприпасами и продовольствием, дома предателей. Кто это делает, установить не удавалось. Много тревог доставляли гитлеровцам и их пособникам и казни, совершаемые от имени Советской власти наиболее преданных «новому порядку» старост и агентов тайной полевой полиции. Кроме всего этого почти в каждом населен-

ном пункте систематически появлялись советские листовки и газеты.

Пришла еще депеша от капитана Эдельмана — командира Кривицкого опорного пункта: он сообщил, что партизаны разгромили гарнизоны в поселке Поддорье и на станции Плотовец, где убито большое количество офицеров и солдат.

В депеше также говорилось, что командует партизанами офицер Васильев. По агентурным данным он должен пройти с группой в 3—4 человека где-то около Должино по направлению к железной дороге Дно—Старая Русса. Эдельман предлагал принять все меры к задержанию Васильева живым или мертвым. Для опознания коман-

дира партизанской бригады прилагалась фотография.

По приказу Гепарта в управу срочно были вызваны из Должино, Соловьева и других близлежащих сел старосты, урядники и старшие полицейские.

Помощник инспектора вспомогательной полиции Кирсанов, специально прибывший из Кривиц, показывал каждому вызванному фото и предлагал хорошо запомнить изображенного на нем человека.

— О награде за поимку любого командира партизан вы знаете, но за Васильева немецкое командование заплатит во много раз больше, — пообещал Гепарт. — А сейчас требую, чтобы каждый из вас сообщил, кого вы подозреваете в связях с партизанами и подпольщиками у себя в деревнях, кто плохо отзывается о доблестной немецкой армии или угрожает приходом партизан. Подумайте! Составьте списки в течение двух дней и сдайте их в комендатуру.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение.

Начало в №№ 8—11.

Желая как можно быстрее очистить район от подпольщиков, Гепарт решил действовать обычным для жандармерии и гестапо методом: арестовывать и физически уничтожать как можно больше советских патриотов.

После совещания Гепарт пригласил к себе в кабинет Мановского и Молоткова. Окинув их холодным ястребиным взглядом, с раздражением заговорил:

— Итак, господа, я надеюсь, нет необходимости вам доказывать, что в районе действует подпольная организация. Наша цель — как можно быстрее ее обезглавить. Повидимому, ею руководит кто-то из местного начальства. Но кто? Это должны подска-

зать мне вы. Я вас слушаю...

Мановский нервно поднялся с кресла и заискивающе поглядывая на своего шефа, начал оправдываться:

— Никого из ответственных работников в районе нет. Я сам их провожал и видел как все уехали на восток...

Гепарт, бросив хмурый взгляд на Мановского, зло бросил:

— Кому-кому, а вам, господин Мановский, непростительна такая оплошность. Вы же жили здесь и не сумели выяснить, кому же поручено возглавить подполье.

Мановский виновато потупился.

— А вы, господин Молотков, что можете сказать? — обратился комендант к начальнику полиции.

— Васькин... — прохрипел

в ответ Молотков.

— Кто он? — с интересом спросил Гепарт и уставился холодными глазами на говорившего.

— Он из Поддорского района, а появился здесь недавно... Коммунист... Был активным комсомольским вожаком, пропагандистом райкома... — И, сбиваясь, путаясь в словах, Молотков рассказал Гепарту все, что знал о Васькине.

Выслушав его до конца, комендант с надеждой в голосе спросил:

— Надеюсь, он уже арестован?

— Еще нет, господин комендант, но на его арест направлены все старосты и полицейские...

Гепарт со злостью ударил кулаком по столу и зло выкрикнул:

— Идиоты! Столько времени он у вас под носом действует, а вы даже не могли сами догадаться, что все эти диверсии, листовки, саботаж наших мероприятий — дело рук этого Васькина и его людей. — И, угрожающе посмотрев на своих подчиненных, вдруг визгливо закричал:

— Чтоб Васькин живым, слышите, живым и немедленно был доставлен ко мне!

После небольшой паузы Гепарт вновь скривил рот и зло, угрожающе бросил:

— Во-о-н отсюда! И чтоб без Васькина не появлялись...

... Под вечер в Должино в дом к Немкову пришли Васькин с Александром Ивановичем. Закурив по сигарке, стали неторопливо разговаривать.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение.

Начало в №№ 8—12.

— В Сельцо прибыл Молотков со своей сворой, — сообщил Иванов, — усиленно заманивает в полицию молодежь . . .

— Ему нужны не только полиция, — продолжил Немков, — он у всех допытывается, не видел ли кто вас, Павел Афанасьевич, прельщает наградой за поимку. Пора бы убрать эту сволочь . . .

— Не плохо бы. Но как? — в раздумье спросил Васькин. — Ох хитер, как хорь: всегда в окружении полицаев или гитлеровских солдат. Да и если мы его прихлопнем — гестапо все перевернет, и нам тогда придется туго . . .

— Эти сволочи каждый день самогон хлещут до беспамятства. Хоть бы сдохли от перепоя, — вставил Иванов.

— Да они хоть бочку вылакают и еще попросят, — засмеялся Немков.

— А если Молоткову подсунить древесного спирта? — проговорил Иванов и вопросительно посмотрел на товарищей.

— Подействует ли на этих пьянчуг спирт? Да и где его достать? — серьезно ответил Васькин.

— У меня вроде бы он имеется, — заметил Иванов и добавил: — Когда ветфельдшер эвакуировался, то зашел ко мне в школу и оставил бутылку с каким-то спиртом. На

этикетке нарисованы череп и косточки. Велел закопать. Строго наказывал никому не давать: так и сказал, что если кто выпьет — через сутки умрет. Да, я хорошо помню, он так и сказал — умрет, но не сразу, а через сутки . . .

— А может он нарочно тебя припугнул, чтоб не выпил? — смеясь спросил Немков.

— Не похоже. Если бы спирт был настоящий, он бы его с собой прихватил: спирт везде пригодился бы.

— Известно, что Молотков вместе с Дементьевым и Вихровым поселился в доме Агафьи Сергеевой, — начал анализировать Иванов. — Вечерами пьянствует, а по утрам Вихров бегаёт по деревне —

ищет опохмелку . . . В это время и подсунуть бы. Спирт я бы развел под самогон-первач . . .

— Вот что, товарищи, — заговорил Васькин, — я думаю стоит рискнуть, чем черт не шутит, вдруг получится. И попробуем это сделать так: Татьяне Ефремовой нужно побывать в Волоте, чтобы оформить пропуск для поездки в Порхов. Так вот она завтра утром и зайдет к Дементьеву, якобы за разрешением на поездку. Как лучше подсунить ему «самогон», помозгуем еще до утра.

На этом и порешили.

. . . Утром в предрассветной мгле Татьяна с сумкой в руке, из которой торчали гор-

лышки бутылок, закупоренных бумажными пробками, стучалась в дом к Сергеевой.

— Вам кого? — открыв дверь, спросила хозяйка.

— Господина инспектора полиции Дементьева.

— Он ушел. Помощник его Вихров здесь . . .

— Ну тогда к помощнику.

Таня вошла в прихожую. Через открытую дверь в большую комнату увидела сидящего за столом Вихрова. Он лениво тыкал вилкой в тарелку с капустой. Напротив него стояли пустые бутылки и стаканы, рядом валялись какие-то объедки.

— Кто такая? — рыкнул он, увидев в двери Татьяну.

— Мне бы в Волот надо съездить, — начала объяснять Ефремова, — но полицейские из деревни не выпускают, говорят без разрешения нельзя.

(Продолжение следует)

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Продолжение.

Начало в №№ 8—13.

Вихров усталился на Ефремову оловянными глазами. До него медленно доходило то, о чем она просила. Но увидев в ее сумке горлышки бутылок, оживился. Встав из-за стола, пошатываясь, подошел к Татьяне, заглянув в сумку, уверенно, как к себе в карман, запустил в нее руку и, схватив за горлышки, вынул сразу все три бутылки. Посмотрев через них на свет, радостно и торжественно закричал:

— Что? Самогон!? Куда несешь?

— В Волот. Вдруг пригодится. Теперь ведь без него ничего не делается . . .

— Ты умница! — хрипло похвалил Вихров и, направляясь к столу, добавил: — Ты иди, иди, куда тебе надо...

— Я же вам говорила: в Волот иду, а полицейские про-

пуск требуют.

— А . . . Пропуск? Это можно. — Вихров достал чистый бланк, расписался на нем и протянул Ефремовой. Сам же откупорил бутылку, наполнив стакан, залпом выпил. Тряхнув головой, как бы отфыркиваясь, громко крикнув, торопливо сунул под нос кусок хлеба.

Татьяна вышла на улицу. В это время к дому подъехала подвода. Из нее выскочил Дементьев и поспешил к двери.

— Артем, собирайся! Начальник ждет, — беря автомат, стоявший в углу, крикнул он.

— А стопочку на дорожку не хошь? — пьяно хихикая, спросил Вихров, разливая «самогон» по стаканам.

— А есть?

— Немножко достал, — самодовольно ответил Вихров и сунул в руку Дементьеву полный стакан, сам же взял со стола другой.

Не чокаясь, жадно, словно воду в жаркий день, выпили. Вытираючи глаза, полезли пальцами в тарелку, схватив по горсти соленой капусты, быстро сунули в перекошенные рты и стали громко, смачно жевать.

— Ох и хороша же, клятая! — процедил сквозь зубы Вихров, незаметно для Дементьева засовывая в карман шубы еще неоткрытую бутылку.

Рассветало. Утренняя заря чуть позолотила горизонт. Мороз крепчал. Деревья, изгороди, телефонные провода — все покрылось инеем.

— В этот ранний час по дороге от Сельцо к деревне Быстрый Берег Поддорского района серой лентой двигалась колонна подвод. В санях на сене сидели полицейские и несколько гитлеровцев, обхватив руками винтовки и автоматы. Ехали молча. Около дома Васькиных остановились. Окружив избу, кинулись

внутрь. Не успела Зинаида Терентьевна спросить незваных «гостей», что им надо, как те начали ее избивать. Затем выволокли вместе с двумя малолетними раздетыми детьми на улицу.

— Партизаны у тебя были? — спрашивали ее. — Ночью приходили, и ты их кормила?

Женщина не отвечала. Тогда полиция и гитлеровцы вновь стали ее бить. Затем поставили к стене дома вместе с детьми, а сами отошли метров на пять. Щелкнули затворы. Один из полицаев — Николай Фролов поднял автомат. Женщина в ужасе закрыла глаза руками. Раздалась длинная очередь. А затем хохот полицейского.

— На этот раз тебя только попугали. Еще раз попадешься — расстреляем.

(Окончание следует)

НЕЖЕЛАННЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Отрывок из документальной повести «Подпольщики»

Окончание.

Начало в №№ 8—14.

От пережитого Зинаида Терентьевна поседела, хотя ей было в то время всего 26 лет...

Из деревни Быстрый Берег полиция и гитлеровцы направились в деревню Переходы. Здесь они расстреляли колхозников Лариона Отрядова, Прокофия Григорьева, Григория Крючкова, Федора Федорова и других заподозренных в связях с партизанами.

Карательный отряд побывал и в других деревнях и везде, после расстрелов и издевательств над мирными жителями, устраивались попойки. Ночью пьяные полицейские и фашистские солдаты вернулись в Сельцо.

На другой день по деревням покатился слух: «Полицейские-то перепились...».

Первым из подпольщиков узнал подробности Немков. Он сразу же поспешил к Иванову. Застав его в доме, радостно воскликнул:

— Ура! Подействовало!

— Рассказывай. Что? Как? — с интересом стал расспрашивать Иванов.

— Приехали ночью в Сельцо пьяными, — начал рассказывать Александр. — Утром Дементьев и Вихров почувствовали себя плохо. Дементьев потребовал от хозяйки на опохмелку самогона. Та начала убеждать, что у нее нет самогона. Тогда Дементьев схватил пистолет и пригрозил ее убить. Старуха где-то достала графин с самогонкой и отдала квартирантам. Те выпили по стакану и почувствовали себя еще хуже. Вскоре Вихров умер, а Дементьев

стал кричать на хозяйку, что она им подсунула какую-то отраву вместо самогона, что у него поднялась адская боль в голове и в глазах. Молотков срочно привез из Волота не то врача, не то фельдшера, который, осмотрев и выслушав рассказ Дементьева, якобы сказал: «От такой дозы спиртного, что выпили за прошлый день каждый из отравившихся не только человек, но и лошадь бы сдохла». Молоткова же он предупредил, что надежды на выздоровление у Дементьева нет. Однако хозяйку дома все же арестовали. Ее силой заставили выпить из этого же графина остатки самогона.

— Ну, а как Молотков? — спросил Иванов.

— А на него почему-то не подействовало, — с огорчени-

ем ответил Александр, — ходит как ни в чем не бывало, даже злее стал...

Подпольщики не знали, что Молоткову не досталось «самогонки», предназначенной именно ему. Он, как потом выяснилось, лишь днем находился в доме Сергеевой, а на ночь уходил к любовнице. Вихров же, угостив Дементьева, остальной «самогон» выпил сам. Алчность к спиртному у него была так велика, что он не поделился своей «добычей» даже с Молотковым.

Продержав Сергееву трое суток и убедившись, что ее самогон здесь ни при чем, Молотков выпустил ее из-под стражи.

В полицейском же отряде на двоих извергов стало меньше.